

Мужики, мужики...

ПРОТОИЕРЕИ
АНДРЕЙ
ТКАЧЕВ

Андрей Ткачев

Мужики, мужики...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51869591

*Мужики, мужики...:
ISBN 978-5-7533-1440-6*

Аннотация

Была такая советская песня на слова Владимира Солоухина: «Пусть вороны гибель вещали, / И кони топтали жнивье, / Мужскими считались вещами / Кольчуга, седло и копье. / Во время военной кручины, / В полях, в ковылях, на снегу / Мужчины, мужчины, мужчины / Пути преграждали врагу». О них – мужьях, отцах, воинах – новая книга протоиерея Андрея Ткачева. О месте мужчин в семье и обществе, в храме и на поле битвы...

Содержание

Пятая заповедь	4
Укрощение мажоров. Пример исторический	11
Власть и бездетность	19
Нам нужна идея отца	25
Папа, мама, я – ненормальная семья	29
О чем не скажут на ТВ	32
Мужики, мужики...	35
Самый лучший в мире папа	43
Куда-то исчезли дедушки	49
Кто ночью не спит?	52
Благословенная сложность бытия	58
О Молохе и детских криках	66
Радуйтесь, развратники кающиеся...	73
Преподобная Мария Египетская	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Протоиерей Андрей Ткачев

Мужики, мужики...

Пятая заповедь

Десять заповедей, которые снес Моисей с горы на каменных досках, не делились ровно на пять и пять. Четыре и шесть – так делились заповеди, и первая часть относилась к Богу, а вторая – к людям. Шесть слов, начертанных на второй скрижали, открывались заповедью о почитании отца и матери.

Заповеди – это не смесь и не сумбур. Они логичны, по-

следовательно, связаны изнутри. Мы можем смело, не боясь ошибиться, думать, что неисполнение пятой заповеди делает невозможным исполнение всех остальных, касающихся общежития.

Кровопролития, воровство, похоть, зависть и всевозможная ложь становятся просто неистребимыми, если мы перескочим через заповедь о почитании родителей и не дадим ей должной оценки. Между тем классическое общество распалось, отцы и дети перестали быть тем, чем быть должны, и только в силу биологии продолжают называться прежними именами. А мы не чувствуем опасности и называем черное белым, как будто пророк Иеремия не произнес «горя» на тех, кто делает это.

Из всех заповедей пятая наиболее нравится родителям. Им кажется, что эти слова обслуживают их родительские интересы и стоят на страже их прав и эгоизма. В действительности это не так. Хотя бы потому, что правильное исполнение этой заповеди предполагает наглядный пример, а значит, совместное проживание нескольких поколений. Я, как отец, должен на глазах своего сына проявить сыновнее почтение к своему отцу, то есть дедушке моего сына. Послушание, уважение, почтение должны быть жизненными принципами, а не высокой теорией. Хорошее дело – на глазах своего сына мыть ноги, и целовать руку, и отдавать лучший кусок своему отцу, следовательно, его дедушке. Это будет лучшим залогом выстраивания в юной душе правильной системы цен-

ностей и залогом правильного отношения к себе в старости. Но для этого как минимум нужно, чтобы у твоего отца не было второй семьи, чтобы он не бросил твою маму с тобой на руках и не стал искать счастья с другой женщиной, в другом месте.

Много ли у нас семей, где три и четыре поколения живут рядом? Много ли семей, где словосочетание «второй муж» или «бывшая жена» являются кошмарными и нереальными?

Итак, из сказанного уже ясно, что реальность противится, а отнюдь не способствует исполнению заповеди о почитании родителей. Пойдем дальше.

Главные разрушители пятой заповеди – это не строптивые дети, а любящие родители. Это они развращают детей, избавляя их от домашнего труда, сочиняя для них «великое» будущее, лишая их счастья воспитываться в коллективе многих братьев и сестер. Они рожают одного, максимум – двух детей, думая, что уменьшение количества рожденных улучшит качество воспитания. Они превращают детей в домашние божества и сами превращаются в идолопоклонников. Весь жар нерастраченной гордости и нереализованных мечтаний такие отцы и матери вкладывают в «воспитание», которое лучше бы назвать погублением или развращением.

Спесивые, изнеженные, заласканные, приготовленные для «великой» будущности, эти маленькие эгоисты жестоко разочаруют своих родителей. Те на старости лет опомнятся

и станут, быть может, требовать к себе уважения и почтения согласно пятой заповеди. Но о каких заповедях можно будет вести речь в доме престарелых или над могилой безвременно погибшего посреди разврата молодого человека?

Отец семейства должен быть капитаном корабля. Мать и жена – помощником капитана или – боцманом, хоть и звучит это не по-женски. А дети – юнгами и матросами. Их нужно сбрасывать, как ложных богов, с пьедестала и запрягать в работу. В черном теле, а не в белом воротничке нужно держать их. К труду, а не к карманным деньгам должны привыкать их руки. Если родители этого делать не будут, то они – разрушители пятой заповеди, а значит, и уничтожители всех остальных. Рожденные ими гордецы и лентяи не остановятся на отсутствии почтения к родителям. Они начнут и красть, и убивать, и прелюбодействовать. И некому будет сказать святую фразу из Гоголя: «Я тебя породил. Я тебя и убью».

Классическое, или традиционное, общество рождено пятой заповедью. Там, где жена послушна мужу, а дети – маме, там, где старость в почете, а молодость – в послушании, эту заповедь знают. Там не увлекаются суетным прогрессом и не готовы из-за открытия электрической энергии отказаться от тысячелетних устоев. Счастье и прогресс не только не являются синонимами. Они даже не рифмуются и, более того, часто противоречат друг другу. Вы избрали прогресс? Что ж, готовьтесь поломать всю свою жизнь до самых корней и раз-

делить судьбу старухи у разбитого корыта. Вы хотите счастья? Изберите в качестве ориентира классические ценности и стремитесь к ним, как бы их ни обзывали и ни обсмеивали в газетах.

Всесильный Бибииков, как свидетельствуют мемуары, не смел присесть в присутствии маменьки без ее на то разрешения. Иначе щеки «хозяина Киева» были бы отхлестаны незамедлительно. Милорадович, герой войны 1812 года, бывал не раз сильно бит отцом за различные грехи. Если в высшем обществе таковы были отношения отцов и детей, то что сказать или подумать о простонародье, где и нравы строже, и верность навыку прочней? Именно такие люди, которые и в генеральских эполетах «съедали» смиренно отцовские и материнские пощечины, построили, укрепили и многократно отстояли нашу страну. Поколение ничтожных людей, людей без святынь и ценностей, людей, за неимением иных целей в жизни служащих плоду своего прелюбодейного чрева, способно в считанные десятилетия растерять и разрушить все накопленное столетиями.

Мы видим себя в европейском доме. Да будет известно нам, что этот дом – дом престарелых. Во-первых, потому, что Европа состарилась в войнах, спорах, борьбе за истину. Как старый человек, уставший жить и желающий отдохнуть, Европа уже не живет, но поживает на «заслуженном» отдыхе. Во-вторых, культура Европы – это культура распавшихся семей. Это – культура узаконенного разврата, где плохо не

столько то, что разврат есть, сколько то, что развратничают не краснея. Это культура, где юноши не имеют авторитетов, а старики – иных целей, кроме путешествий в теплые края.

Европейцы умудрились нарушить все заповеди, не нарушая при этом приличий. Этим-то они и привлекательны миру. Называя аборт прерыванием беременности, воровство – восстановлением справедливости, а разврат – уступкой требованиям организма, они стали центром притяжения для всех, кто ненавидит Бога, но любит личину приличия. Конечно, заповедь о почтении к родителям не осталась нетронутой.

Пенсионный фонд и социальные службы выполняют теперь то, что должны выполнять по отношению к постаревшим родителям взрослые дети. Умыть руки и сбросить с себя ответственность – вот главная забота современного человека. И этот человек хочет счастья? Нужно сделать одно из двух: либо отказаться от счастья, вести жизнь, которую мы ведем, и ждать огня с неба... Либо изменить систему ценностей и повернуться лицом к простым и незаметным человеческим качествам, составляющим сердцевину нашей земной действительности.

По части веры и культуры мы – европейцы. Наши музыканты играют и Гайдну, и Моцарта. Наши ученые ориентируются в мире западных идей с той же свободой, с которой хорошая хозяйка ищет нужную вещь в своем шкафу. Все, что есть в культуре Запада, понятно нашему сердцу, ибо

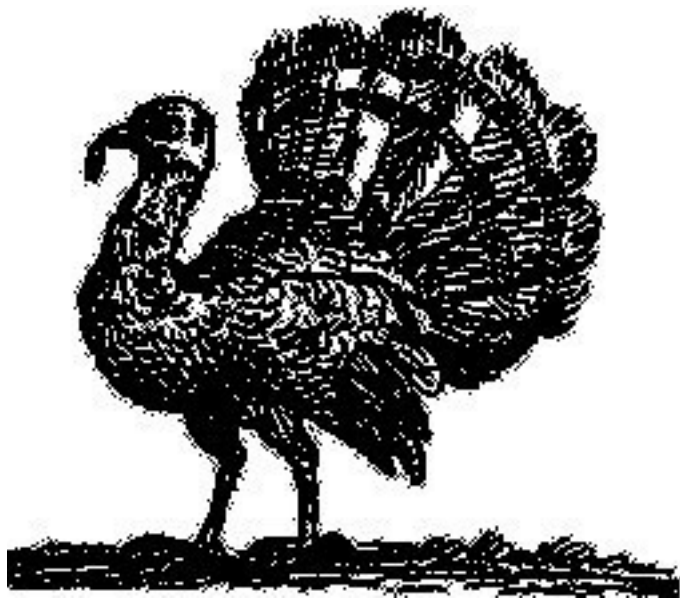
мы – христиане.

Но мы не полностью отданы Западу. У нашего сердца есть «восточная камера», а у мозга есть «восточное полушарие». Таджикская или афганская деревня, где гостю не показывают лица дочерей, также близка нашей душе. Арабская семья, где сын бежит на голос отца, чтобы налить ему чаю или поправить подушку, тоже должна быть нам близка и дорога.

Высшие достижения Запада нам должны быть понятны. Высшие проявления Востока нам должны быть милы. Высшие достижения Запада – это философия, наука и технологии. Высшие проявления Востока – это ценности не спеша живущего человека. Это ценности, связанные с семьей: уважение к старшим, трудолюбие, взаимопомощь, послушание и многое другое.

Технологии, оторванные от морали, поставили мир на грань выживания. Если миру суждено еще пожить, то это зависит от лучших ценностей Востока. «Чти отца и мать» – одна из них, и не у Запада учиться ее реализации.

Укрощение мажоров. Пример исторический

В Послании Павла к Тимофею есть перечисление качеств, необходимых для епископа Церкви. Говорится между прочим, что епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен... и так далее. А затем: хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послу-

пашании со всякою честностью. И это потому, что *кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пешись о Церкви Божией* (1 Тим. 3, 2–5).

И действительно, есть ли дело кому до чужих, если до своих руки не доходят?

В точном смысле «епископ» – это «осуществляющий надзор». Сказанное у апостола о высших иерархах Церкви, сдается мне, вполне применимо к высшей иерархии государства и общества. Как бы так: «Высоко стоящий в обществе и государстве человек должен быть мудрый, трезвый, работающий, патриотичный и так далее», аж до слов «хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью». И совершенно правильно, потому что кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пешись о ком-то вообще?

Только глухой в наш век не слышал о мажорах. Это слово заменило у нас французское выражение «золотая молодежь». И это явление, как его ни назови, по сути – фурункул, указывающий на глубоко поселившуюся гниль внутри общественного организма. Сытые, праздные, наглые, сходящие с ума от того, что им (как пелось в одной песенке) нечего больше хотеть, эти молодые люди – позор своих родителей, у которых не нашлось то ли времени, то ли благоразумной строгости для рожденных ими.

Проблема стара как мир, стара, как имущественное расслоение. И вот иллюстрация из времени не так уж и далеко-

го, но однозначно из другой эпохи.

В Преображенской больнице города Москвы в течение долгих сорока лет жил в XIX веке юродивый Иван Яковлевич Корейша. В больницу он был посажен не для лечения, а в заключение, как буйный и неисцелимый. Это была месть смоленских чиновников за обличения. Сама же лечебница скорее была грязной помесью тюрьмы и ночлежного дома, где больных могли сажать на цепь, а лечили только рвотными, слабительными, прижиганиями и приставлением пиявок. Этот кошмар Иван Яковлевич усугубил спаньем на полу, полной антисанитарией, вкушением пищи в виде смешанного воедино завтрака, обеда и ужина и еще рядом невыносимых простому человеку условий. При этом до полусотни и больше людей приходило к блаженному ежедневно. Если приходили по житейским нуждам, Иван Яковлевич вел себя, как и подобает юродивому, – бормотал, скоморошил, обличал. Если же приходили с духовными вопросами, за смыслом жизни, он говорил ясно, четко и умно. А бывали у него в грязной келье-палате с тяжким духом и академики, и известные священники, и даже государь Николай I.

После посещения императором блаженного счел для себя необходимым посетить последнего и генерал-губернатор Москвы. Им на ту пору был Закревский Арсений Андре-

евич. Это был заслуженный военный, во многих боях отличившийся храбростью и выдержкой. Был под Аустерлицем, воевал в Отечественную войну. Правда, на должности генерал-губернатора не был любим за заносчивость и самодурство. Подлинным же пятном на его мундире поверх заслуженных наград было то, что обе женщины в его семье – жена и дочь – были отчаянные мессалины. О таких сказал однажды великий Павел: *Они, дойдя до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытимостью* (Еф. 4, 19). Закревский, увы, был маститым роносом, не имевшим никакого влияния и на единственную дочь – соперницу матери в разврате.

Итак, он пришел к юродивому в гости. Что же Иван Яковлевич? Он отвернулся от высокого начальника в сторону сопровождавших его чинов и сказал: «Глуп я, други мои милые... Совсем глуп! Залез на верхушку, да и думаю, что выше меня уж и нет никого! Дочь я себе вырастил на позор... Одна она у меня... а, кроме стыда, нет мне от нее ничего... Шляется как... – Тут юродивый разразился самой отборной площадной бранью. – А я, дурак, и унять не могу! Где уж мне, дураку, другими править, коли я сам за собою управиться не умею... Навешаю на себя всяких цац, да и хожу, распустив хвост, как петух индейский... Только тогда и опомнись, как вверх ногами полечу...»

Эту замечательную речь, по силе воздействия на умы соперничающую с Цицероном, стоит дать прочесть всем высо-

костоящим дамам и господам. Тем, у которых дети добродетельные и при деле – на всякий случай и для остратки. А тем, у кого дети – один грех, стыд и избалованность, тем для прямого лечения. Как пиявки к вискам, которыми лечили в Преображенской больнице всего сто пятьдесят лет назад.

Можно произвести и разбор на цитаты:

– Где уж мне, дураку, другими править, коли я сам за собою управиться не умею...

– Навешаю на себя всяких цац, да и хожу, распустив хвост, как петух индейский...

– Только тогда и опомнюсь, как вверх ногами полечу...

Раз, два, три. Коротко и ясно.

Все, конечно, поняли тогда, о ком сие сказано и кому адресовано. Все смутились за шефа, покраснели и распереживались. Но этим дело не кончилось. Закревский совладал с собой и спросил блаженного, чем тот болен. Иван Яковлевич выпалил: «Пыжусь... Надуваюсь... Лопнуть собираюсь...» Генерал-губернатору оставалось только развернуться и уйти. В спину себе он услышал: «Ку-ка-ре-ку! Фу ты, ну ты! Прочь поди!»

Наказывать блаженного было так же невозможно, как ссылать чукчу на север, поскольку ничего тяжелее того креста,

который нес юридический, не придумаешь. Можно только вообразить, что же такое происходило в Смоленске, из которого Корейшу под конвоем и тайком когда-то вывезли в Москву местные чиновники, чтобы навеки законопатить в желтый дом.

История суровая. И Закревского жалко. Но жалко лишь до тех пор, пока не прочтешь о поведении его дочери за границей. О том, как она в компании подобных праздных и баснословно богатых развратниц вдали от мужа устраивала оргии с множеством покупаемых и увлекаемых молодых людей. Как она, теща тщеславие, крутила романы со знаменитостями, в числе коих был Дюма-сын. Как вследствие подобного поведения имя русской аристократки приобретало тот самый позорный флер. И на всех этих собачьих свадьбах с толпами кобелей проедались и пропивались, дарились и проматывались труды тысяч крепостных. Вдумайтесь: скотски живущий человек проедает труды тысяч людей, которых и за людей не считает! Вопиющая несправедливость этой картины не имела права на вечное существование. Так не отсюда ли, не от Парижа ли XVIII века, засыпанного русскими деньгами; и не от Куршавеля ли, залитого в наши дни коллекционным шампанским, все беды и движутся?

Блудно-легендарную Лидию Арсеньевну Закревскую (по мужу Нессельроде) родной папа должен был, невзирая на высокие чины и положение, самостоятельно воспитывать. Должен был привести к порядку имиже весть способами

и потерявшую берега супругу. Тогда бы его вся Москва за-
уважала, а не хихикала за спиной. Тогда не только позора от
Корейши не было бы: веда себя справедливо и строго в семье
вышние чины, в России и революций не было бы. Ведь никто
так не расшатывает страну и не бесит (в прямом смысле) на-
род, как вышеописанные развратные типы обоих полов, до-
пущенные к несметным богатствам.

Урок из истории – как картинка с выставки. Россия сильно
поменялась по части генерал-губернаторов, княгинь, баро-
несс и прочего люда, к которому нужно приставлять немец-
кое «фон» или французское «де». Да и Корейши нет. Ну
как нет? Есть, конечно. Душа в Царстве, тело – в земле
близ Ильинского храма на Черкизовской. Корейши нет в том
смысле, что некому сказать кой-кому: «Залез на верхушку
и думаешь, что выше нет никого?», «Навешал на себя цац
и ходишь, как петух индейский!»

А пока слова эти адресно не сказаны или же самым адре-
сатом в совести не услышаны, гоняют по детским площад-
кам «гелендвагены», к которым боятся приблизиться офи-
церы ДПС; цветет ночная жизнь, как предбанник преиспод-
ней и топка для ворованных миллионов, и так далее и тому
подобное. Словно живут всевластные отцы развратных де-
ток по одному из слов, сказанному Корейшей: «Только тогда

и опомнюсь, как вверх ногами полечу...»

Власть и бездетность

У евреев до разрушения второго храма был великий синедрион, или сангедрин. Это высший судебный орган, решавший самые сложные вопросы жизни народа. Всю беско-

нечную житейскую мелочь решали малые суды на местах, по городам. До высшего суда доходили лишь вопросы войны и мира, календаря, богослужения, богохульства, смертной казни... Число членов суда было непарным – 71, чтобы избежать полного равенства в случае решения неоднозначных проблем. И поскольку задачи синедрион решал не бытовые, а жизненно важные, то и требования к его членам предъявлялись экстраординарные.

К примеру, нужно было знать все основные языки и диалекты региона, чтобы при допросах не требовать присутствия переводчиков. Был возрастной ценз, ценз по здоровью. Безусловно – доброе свидетельство от народа, начитанность в Писании, твердое следование закону и прочее. Получался собор неких крепких умом и богатых опытом старцев, не ослабевших в памяти и не утративших сил. Старцев, которым, по-земному говоря, лично ничего уже не надо, а в сфере интересов – только справедливость в суде, исполнение закона, благо народа и слава Божия.

Была еще одна необходимая черта, а именно: члены синедриона не могли быть бездетны. Безбрачия в Израиле не было. За редчайшими исключениями все мужчины были женаты. Ну а иметь детей или не иметь – это уже не только дело супругов, но и дело Того, Кто детей дает. Библейское сознание не могло родить ничего подобного современной фразе «завести детей». Дети принимались в дар, но никак не «заводились». Вот ярчайший пример отношения к этому щепе-

тильному вопросу: *И увидела Рахиль, что она не рождает детей Иакову, и позавидовала Рахиль сестре своей, и сказала Иакову: дай мне детей, а если не так, я умираю. Иаков разгневался на Рахиль и сказал: разве я Бог, Который не дал тебе плода чрева?* (Быт. 30, 1–2).

Итак, членом синедриона не мог быть человек, которому Бог не дал детей. Он не виноват, но все же не может занять должность. И вот почему. «Бездетные жестоки». Бездетный человек, достигший заката жизни, но не встававший никогда к постели сына, не державший на руках внуков, не ведший дочку под свадебный балдахин, не может в принципе ассоциировать подсудимых с детьми или внуками. Они для него безнадежно далеки и чужды. Такова мысль.

Можно, конечно, спорить о логике подобного запрета, но спор – это единственное, что мы умеем во времена свободы слова. Лучше вдуматься, вслушаться в эту непривычную мысль. Человек всюду действует исходя из опыта. И вряд ли в определенных ситуациях мы откажемся отличать, например, воевавшего человека от человека сугубо гражданского, новичка от бывалого. В этом смысле опыт бездетности действительно отличает человека от того, у кого дети есть. Отличает, скорее, невыгодно.

Если «бездетные жестоки» даже в случае желания, но рокового неимения детей, то что же скажем о добровольной бездетности? Чем еще, кроме эгоизма, кроме желания «пожить для себя», объясняется бездетность тех, кто мо-

жет рожать? Может, но не хочет. Бесчеловечие ведь фактаж свой представляет не только через криминальную хронику. Отвращение от округлившихся животиков, ненависть к пеленкам, к детскому плачу есть тоже современная форма басурманства и бесчеловечия. И если даже и можно спорить с бесчеловечием бездетных, то с бесчеловечием эгоистов спорить невозможно. Как сказал «апостол» эгоизма Сартр, «другой – это ад». Необходимость подстраиваться под кого-то, учитывать чьи-то интересы, делиться комфортом и жизненным пространством для эгоизма невыносима. «Я», «мне», «мое», «у меня» – это исчерпывающий костяк эгоистического лексикона, следовательно – психологии.

Теперь вернемся к синедриону. Можно ли судить кого-то, решать чужие судьбы, будучи полностью заикленным на себе? Не смертельно ли это опасно? Не кажется ли, что движение мысли еврейских законоведов совершенно правильно? Это при том, что и слово «боги», именно во множественном числе, в Писании означает «судей», тех, кто решает чужие дела и влияет на судьбы. После Единого Бога, Чья власть не оспаривается, есть маленькие «боги», которых мы сегодня пишем с маленькой буквы (в древности строчных и прописных букв не было). Об этом говорит псалом 81-й. Приведем как цитату его часть (ст. 1–4):

*Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд:
доколе будете вы судить неправедно и оказывать лице-
приятие нечестивым?*

*Давайте суд бедному и сироте; угнетенному и нищему
оказывайте справедливость;
избавляйте бедного и нищего; исторгайте его из руки
нечестивых.*

Как видим, речь о судьях, как о «богах», с маленькой буквы.

Синедриона у евреев сейчас нет. Но дело не в этом. Дело в том, приблизились ли мы к истине, коснулись ли одного из ее живых нервов? Если да, то у мысли будут неизбежные благие последствия. Уясненная правда всегда меняет жизнь, пусть и не так заметно, как хочется.

Как мостик от истории и теории к действительности отметим следующее: бездетность лидеров современной Европы. Эту тему, к моему личному удивлению и тихой радости, в последнее время поднимали неоднократно самые разные журналисты и блогеры. Радость я имею в виду не от самой бездетности, а оттого, что общественная мысль движется в русле здоровой оценки действительности. Итак, смотрим: во главе Германии, Франции и Британии стоят Меркель, Макрон и Мэй соответственно. Все трое в браке, все трое бездетны. Бездетны премьеры Италии, Швеции и Голландии. Правда, последний, Марк Рютте, холост. Бездетен, хотя и в браке, глава Еврокомиссии Жан Клод Юнкер. То есть налицо не случай, а закономерность. Особенно яркая, если сравнить этих с галереей политиков еще недавнего прошлого. Закономерность, подмеченная большой группой независимых друг

от друга аналитиков и журналистов.

Дело, конечно, и в демографии, и не только в ней. Дело в глубинных сдвигах в мировоззрении современного человека. И дело в психологии бездетности как одной из разновидностей психологии эгоизма, этой мысленной раковой опухоли современного человечества. Дело, может быть, и в том, что для изменившегося человечества нужны изменившиеся вожди. Эгоистическим массам нужны, возможно, соответствующие эгоисты-водители, чтобы понимать друг друга, пребывать в одних мысленных координатах. Не нужны отцы и матери, бабушки и дедушки. Нужны потребители товаров и услуг, индивидуумы с набором прав и обязанностей, правители без санкции Неба.

Я склонен думать, что бездетные (добровольные бездетные – особенно) могут быть склонны к жестокости, нравственной черствости более, чем те, кто знает крест и радость родительства. И мне глубоко близка мысль о том, что судьи – это «боги» с маленькой буквы. Совмещая обе мысли, получаем формулу: бездетные судьи, а также правители, начальники высшего ранга, – это «жестокие боги». Ну а что такое быть под властью «жестоких богов», нам подробно может рассказать история народов и цивилизаций. Да и само словосочетание «власть жестоких богов» говорит о себе достаточно ярко.

Нам нужна идея отца

Когда человеку страшно, он кричит: «Мама!» Это инстинктивный крик человека, находящегося в опасности. На

мой взгляд, понятие «мама» обозначает внимание к биологической жизни и ее сохранение.

Слово «папа» означает совсем другое. Мы говорим о Дне отца в нашей стране – две трети граждан пожелали ввести в наш календарь этот праздник официально.

Мама – это утробное тепло и сохранение биологического существования. С мамой тепло, темно и сладко. Темно как в утробе, как в объятиях. И ты живешь, ничего не видя, уткнувшись к ней в подол.

А в слове «папа» есть совершенно другие ассоциации и другие смысловые нагрузки. Папа – это цивилизация. В слове «папа» есть власть, послушание, ответственность. Право отца в древнем мире обозначало единство трех властей. Папа был и военачальник, и имущественный хозяин, и биологический отец, имеющий полную власть над всеми, кто под его рукой.

То есть папа – это цивилизация, это вертикаль. Мама – это горизонталь. Нужны и папа, и мама. Без папы не очень хорошо. Но папа почему-то задвинут в нашем сознании.

Отчасти он сам себя задвинул, отчасти его задвинули мамы. Вот эти инфантилизация и феминизация сознания усекают живую семью. Это, по сути, самоубийство. Это все равно что голову человеку обрезать – уже не человек.

Поэтому День отца, конечно, должен быть. День ответственности, день взятия на себя прав и обязанностей. День силы, с которой хорошо жить. Потому что на одной тепло-

те и доброте далеко ехать не получится. Нужна еще и некая сила, которая крупной солью солит доброту и теплоту и превращает их в удобоваримое блюдо.

Нужна идея папы. Некий идеал папы должен быть выношен нашим обществом. Потому что маму вынашивать нечего, она просто мама по факту. Или она залетела, или она по любви родила, или у нее дите одно, или у нее восемь детей – это все не важно, потому что она мама. Мама – она всегда мама. Факт материнства делает женщину матерью – и все.

А вот с папой – нет. Факт отцовства, факт зачатия человека отцом не делают. Это лишь полагает начало будущим отношениям. Потом нужно сформировать соответствующее отношение к жене, к будущим рожденным. И весь тот социум, который строится вокруг беременного живота, это и есть идея отца.

Народу нужно выносить идею отца. Благоую идею настоящего родителя. И конечно же праздновать это.

Папа может все что угодно – плавать брассом, спорить басом, дрова рубить. Да, он только мамой не может быть. Это правильная советская детская песенка, совершенно правильная.

Папа в доме – все в порядке, газ горит и не гаснет свет. Папа в доме, конечно, главный, если мамы, конечно, нет.

Хорошие песни пели в те годы. Нам сегодня нужно возвращаться к этому нормальному сознанию.

Настоящий мужчина – это добытчик, защитник. Тот, кто

и на рыбалку сходит, и свистульку вырежет, и, если что, защитит. И не бросит, самое главное. И раньше времени не помрет от перепоя. И научит молиться – потому что этому учить должен мужчина.

Отец – главный в вере.

Папа, мама, я – ненормальная семья

Супруга покойного президента России Бориса Ельцина Наина как-то публично обмолвилась, что хотела бы назвать 1990-е годы, время правления Ельцина, «святыми» временами.

Но времена эти настолько «священные», что рождаемость

упала катастрофически. Люди были в ужасе от происходящего и перестали создавать семьи. Образовалась демографическая дыра, и этих молодых женщин сейчас просто нет на свете.

Их никто не родил. Им никто косички не заплетал, никто их в садик не водил, никто с ними не ходил в зоопарк. Либо абортiroвали, значит, либо избежали зачатия.

Но есть инициативы правительства – затыкать демографические дыры, стимулировать рождаемость, защищать детей, матерей, семью. Например, время с 2018 по 2027 год в России объявили Десятилетием детства.

Но все-таки даже если государство будет этим заниматься, никогда не справится до конца. Потому что государство – машина. А машина теплую душу не согреет. Она может просто защитить ее и помочь разобраться в чем-то.

Это мы с вами должны понимать, что надо стимулировать рождаемость, семью защищать. Нужно внедрять идеологию нормальной семейственности. Если в мозгах будет каша, тогда никакие деньги не помогут.

Что мы представляем, когда произносим слово «семья»? В лучшем случае папу, маму и ребенка. Это ложная картинка. Потому что семья – это не папа, мама и ребенок. Это папа, мама и много детей.

Но даже эта картинка ложная. Потому что настоящая семья – это еще и дедушки и бабушки, родители папы и мамы. Вот это уже семья. И этой картинки у нас нет совсем.

Мы лишили детей бабушек и дедушек. Бабушки ходят в тренажерные залы, дедушки квасят или рыбу ловят, на льду или подо льдом, кто как умеет. А дети брошены в интернет или к сумасшедшим психологам и преподавателям.

В общем, одна мама с ребенком – это никак не семья.

Для защиты детей нам нужно просто-напросто вернуть детям папу и маму, братьев и сестер, племянников и племянниц, кузенов и кузин, которыми наполнена вся мировая литература. И бабу, и деду с обеих сторон.

Вот тогда будет нормальная семья и некого будет защищать. Все будет в порядке.

Будьте счастливы. Берегите своих.

О чем не скажут на ТВ

1 июня празднуют День защиты детей. Есть множество новых праздников – вспомните фильм Михалкова «Утомленные солнцем», где события происходят на фоне Дня сталинского дирижаблестроения и воздухоплавания. Есть и другие изобретения, вплоть до Дня защиты насекомых...

Люди придумывают новые праздники. Им нужен новый месяцеслов. Им мало месяцеслова со святыми, нужен еще один – с шахтерами и асфальтоукладчиками. В этом тоже нечто гуманное и милосердное.

Давайте подумаем вместе: что такое защита детей? Детей вроде любят все. Легче всего собрать денег на какую-то ми-

лосердную акцию, посвященную детям. Для сравнения, на тюрьму собрать, для эков гораздо сложнее – чтобы они там от цинги не померли, от туберкулеза. Люди на тюрьму жертвуют неохотно. На деток – пожалуйста. Пупсики, мягкие игрушки, памперсы.

А от чего страдают дети? На самом деле защита детей заключается в том, чтобы папа не бросил маму. Что лучшего может сделать мужчина для детей, которые от него родились? Любить их мать.

Абсолютно верная истина. Все остальное мать делает сама – лишь бы она была любима и не брошена. Вот об этом не скажут на светских каналах. О том, что крепкий брак, крепкая семья – это, собственно, и есть защита детей.

Кроме того, нужно защищать их в информационном пространстве. От порнографии, от насилия, от пустого времяпрепровождения с гаджетами – они же все, как поросята в землю, уткнулись носом в свои гаджеты.

Взрослые, понятно, по-своему больны. А эти еще более больны, потому что они маленькие. Они приобретают маниакальную зависимость от этих железяк с блестящими экранами.

Защищать нужно не от того, чтобы какой-нибудь молодой белозубый арабский мальчуган чистил на улице сапоги прохожим и заработанные деньги приносил старому дедушке. От этого не надо защищать людей. Пускай чистит, пусть зарабатывает, пусть приносит. Он выживет – и станет еще до-

стойным человеком. А вот разнеженные, расцацканные, разласканные, расцелованные, ничему не наученные, привыкшие к электронным приложениям, развратившиеся с ранних лет (а кроме того, живущие еще и в неполной семье) – вот это и есть несчастные люди.

Но мы будем говорить не об этом. В светском формате будут обсуждать мягкие игрушки, квадратные метры жилплощади, вкусную калорийную еду...

Самого главного никто не скажет. А мы, христиане, должны все-таки понимать, что детей защищать надо. Про слезинку ребенка у Достоевского нужно вспомнить – и защищать от того, что реально угрожает ребенку.

Мужики, мужики...

Чтоб напугать человека, нужно немного. Хотя бы при-

слать ему письмо без обратного адреса.

Чуть дрожащей рукой, сам себе не рад,
Открываешь конверт по краю.
Ожидаешь прочесть «Ты попался, гад»
Или – «Помоги. Умираю!»

Как-то так начинается фильм Джима Джармуша «Сломанные цветы». Мужчина получает письмо от неизвестной, с которой у него двадцать лет назад якобы были отношения (листай теперь, старина, по памяти свой донжуанский список). А в письме сказано, что у него, оказывается, есть сын, которому уже лет девятнадцать. И это неудивительно, потому что от любви бывают дети. И я, мол, воспитывала его сама, как независимая женщина. Воспитывала, но теперь он ушел искать отца. Тебя то есть. Ну и все. Сiao. Убить тебя или обнять он хочет, не знаю. Дальше думай сам.

О, как меня всегда интриговала эта тема! Как она меня влекла и завораживала. Отец, встречающий сына двадцать лет спустя, – это же фабула «Старшего сына» Вампилова. Пусть сын не настоящий, но старик поверил. Потому что душа болела. Потому что... И что вообще может быть трогательней, смешней и человечней, чем «Старший сын» Вампилова?

А другой сын, отправившийся во взрослом возрасте на поиски биологического родителя, того, который много лет назад осчастливил зачатием брошенную вскоре девушку, это

что? Это не что, а кто. Это мой хороший знакомый, которому уже пятьдесят шесть. Но тогда ему было восемнадцать, и он проехал через пол-Союза, чтобы набить морду виновнику своего земного бытия. Найти и набить. За брошенную мать. За безотцовщину. И он разыскал, добрался, махнул для храбрости сто грамм, позвонил в двери... Двери открыл облысевший, пожеванный жизнью дядя с невеселыми глазами. «Вам кого?» – спросил дядя, и мой хороший знакомый заплакал, сказал «папа» и стиснул родителя в объятьях.

И сколько таких историй, сколько? Будучи у всех разными, особенными, по-своему окрашенными, они всё же во многом одинаковы, потому всюду «отец» и всюду «сын» на фоне перепутанной, ушибленной и загадочной жизни, смешанной с грехом в пропорции пятьдесят на пятьдесят процентов. Именно – с грехом пополам.

Человек в опасности кричит «мама!», но не спешите думать, что у человека нет нужды в отце. Нужда есть. Она огромна. Просто мама – это образ первичного тепла, без которого существование невозможно. А папа – это уже сложный образ миропорядка, следующего по восходящей. В слове «папа» есть уже не утробное тепло, а иерархия, уважение, страх. Есть осмысление мира, есть культура и цивилизация, если хотите. Цивилизация живет в слове «отец». Да, именно это и есть в слове «папа», и когда папу ищут, то силятся именно выяснить и занять свое собственное место на земле, посередке между небом и преисподней. Отец, батя, папочка.

Если отец ищет сына, то это бытовое воплощение притчи о блудном сыне. В культуре это и «Отец солдата», и «Судьба человека». А самое трогательное – это история о Пако из книги Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой». Дело было в Испании при Франко. В отделе объявлений одной из центральных мадридских газет какой-то провинциал, приехавший в столицу на поиски сбежавшего сына, разместил следующее объявление: «Пако. Вернись. Я все простил. Жду тебя на площади... – Далее название отеля в центре города – 12 часов. Папа». В назначенное время несколько сотен мальчишек собралось на указанную площадь. Все они прочли, случайно или намеренно, это объявление. Всех их звали Пако. В Испании это то же, что в русской деревне до революции зваться Ванькой. Все эти мальчишки, эти Пако, сбежавшие по разным причинам из дома, так хотели, чтобы папа не гневался и простил, чтобы можно было вернуться из столичного муравейника в родной дом без страха. Точь-в-точь как блудный сын чувствовали себя эти дети. И тут это объявление! Вот тебе последняя картина Рембрандта, только в словах, а не в красках.

Разве могут Евангелие и жизнь случайно совпадать вот так – до неразличимости? Нет, господа, это не случай. Это наблюдательным взглядом литературного гения выхваченный из сумятицы жизни закон.

Итак, воспитывавший отец ищет сына. Это Евангелие. А невоспитывавший отец ищет сына? Это что? А это тоже

Евангелие. Только не притча о блудном сыне, а главы о покаянии. Это опровержение того тезиса, что мужчина – это только осеменитель, варвар, захватчик и говорящее животное. Нет. Совсем не так.

По молодости, правда, мужчина рискует соскользнуть в одну из двух, хорошо описанных, вариаций половой бессовестности. Разумею Дон Жуана и Казанову. Первый – это блудник-романтик. Он искренне влюбляется в каждую новую юбку, чтобы, добившись взаимности, тотчас к ней охладеть. Второй – просто циник и развратник. Его голова холодна, как у чекиста из известного афоризма Дзержинского, хотя в крови всегда огонь. Этот не влюбляется. Даже на день. Он запретил себе это делать, как обязаны делать и представители некоторых профессий, которым запрещено влюбляться в клиентов. Казанова жадно собирает удовольствия, и любовь здесь только помешает.

Стоит ли уточнять, что Дон и Казик – люди антисемейные? «Схватить весло, поставить ногу в стремя, всегда лобзая новые уста» – вот их стиль жизни, если воспользоваться словами Гумилева из стихотворения «Дон Жуан». Кстати, главный герой в фильме у Джармуша носит очень похожее на «Дон Жуан» имя.

Но вот приходит новый возраст. Еще не старость, нет. Но что-то новое. Аналог зимы холодной для попрыгуньи-стрекозы у Крылова. Не старость, но старение. Здравствуй, мое старение, когда, по словам другого поэта, «дева, как зверь,

защищает кофточку». В это время многое становится символом и намеком: сны, отражение в зеркале, наблюдение в парке за незнакомыми семьями, письма, нытье в груди... Вон у кого-то дети, а у кого-то уже и внуки. А у меня только телевизор. И тогда вступают в игру другие строчки все того же Гумилева:

И лишь когда средь оргии победной
Я вдруг опомнюсь, как лунатик бледный,
Испуганный в тиши своих путей,
Я вспоминаю, что, ненужный атом,
Я не имел от женщины детей
И никогда не звал мужчину братом.

Действительно, если все женщины на жизненном пути – потенциальные или фактические любовницы, то среди мужчин нет братьев (одни только соперники и мужья-рогоносцы), а среди малышни нет ни сына, ни дочки. В этой точке личной истории можно сойти с ума. Можно втихаря сделать даже с собой что-то плохое и необратимое в молчаливой и пустой квартире. Но можно и покаяться. Лучше, конечно, покаяться.

Постаревший блудник и впрямь похож на проснувшегося лунатика. На лунатика почему-то не действуют законы тяготения. И вот он ходит по карнизам и лезет по отвесной стене. Пока не проснется. А потом вдруг письмо, или книга, или встреча, или кошмарный сон. И ты, постаревший, никому

не нужный, начнешь метаться. Ты вдруг рухнешь с высоты, по которой так долго ходил без страховки. Тогда случайно объявившийся сын, пусть даже объявившийся с намерением мордобоя, будет вестником небес. И жизнь моргнет игриво, что, мол, не все так плохо. У тебя все же есть дети. А если нет, то опять Вампилов. Тогда любой проходимец скажет: «Отец, это я», – и ты растаешь. Ты скажешь, вскрикнешь: «Ну да! Я помню! Нашу часть тогда переводили в Гомель, и она осталась одна на пыльной дороге. На ней было легкое ситцевое платье. Дорога пылила, и я оставил тогда там свое счастье. Ты – вылитый я в молодости. Сынок!»

Женщину к детям зовет инстинкт. Зовет с ранних лет и зовет так мощно, так властно, что сопротивляться ему подчас нет никакой возможности. А мужчину к детям зовет позже, и даже не инстинкт, а что-то иное. Может быть, совесть. А может, нет. Никто еще не дал этому точного имени. Однако «это» есть. И почувствовать наличие этого явления в крови и в воздухе хорошо бы пораньше. Так, чтоб не совсем поздно было.

Мужики, мужики. Послушать вас, о чем вы говорите?

Не всем эти слова посвящаются. Лишь некоторым.

Прошалив до седых волос, погонявшись, как гончий пес, то за деньгами, то за славой, то за покупной любовью; до седых волос пробежав от обязанностей, от креста, от забот; растоптав мимолетную свою жизнь, как бабочку, кирзовым сапогом, не проснуться бы вам однажды с чувством, что

все пропало. Ведь тогда звериный и неутешный вой, вой смертельно раненного зверя, разорвет воздух вашей богатой квартиры или вашей убогой конуры. Это неважно. И прибегут соседи с криком: что случилось? Но в том-то и горький фокус, что поздно будет кому-то что-то объяснять. Поздно и незачем.

Самый лучший в мире папа

Мы все слышали об этом человеке. Но мысль наша, всего скорее, лишь скользила по его имени. А оно достойно того,

чтобы внимание на нем сфокусировалось. Это Иосиф, праведный Иосиф, обручник Пресвятой Девы и мнимый отец Господа Иисуса Христа.

Чтобы задать тон разговору о нем, скажем сразу: Единородный Божий Сын в дни Своего детства называл Иосифа «папа», «авва». Больше никто на земле этой чести не удостоивался и не становился временным и земным подобием Вечного и Небесного Родителя. За что такая честь, для нас останется тайной. Лишь догадываться можно, насколько глубока душа этого плотника из рода царя Давида.

Писание называет Иосифа праведным, когда он заметил у Марии признаки беременности и решил тайно отпустить Ее. Дело в том, что Закон велит смертью казнить девушку, забеременевшую до брака. И еще не округлился животик, но наметанный глаз взрослого человека (Иосиф намного старше Марии) без ошибки понял, что Мария непраздна. Мысли Иосифа были вполне земные, но человеколюбивые. О зачатии от Духа Святого никто и помыслить не мог. Он не хотел подвергать Марию поношению, не поднял шум с выяснениями и осуждениями. Он просто решил Ее отпустить. Это смирение. Это праведность. Так поступают единицы.

И тут небо начинает Иосифом руководить. Ангел во сне велит не бояться. Зачатое Дитя – от Духа Святого. Родится Сын, и нужно будет назвать Его Иисус. Не иначе! И Он спасет людей Своих от грехов их!

Каких Своих людей? Какие свои люди у неродившегося

ребенка? Сколько вопросов должно подняться роем в душе? Очевидно, нужна большая покорность и глубокая вера, чтобы подчиниться сказанному. И Иосиф поступает на службу зачавшемуся Мессии и Его Матери.

Чтобы Христу прийти в мир, нужна Чистая Дева. От кого угодно Сын Божий на земле родиться не может. Вся история мира до Христа – это приготовление Девы. Она – Лестница, по Которой Христу нужно спуститься. Она – Дверь Небесная, через Которую Христу нужно войти. Но нужен еще и обручник. Нужен тот, кто в глазах людей будет для Марии мужем, а для Иисуса отцом. Нужен кормилец и защитник. И это тоже не может быть кто угодно. Выбрать папу для Сына Божия ничуть не легче.

В этой семье все будет необычно. Когда ангелы требуют бежать от Ирода (как часто во сне Иосифу дают приказания небожители!), Иосифу сказано: встань, возьми Дитя и Матерь и беги в Египет. Если бы это была обычная семья, было бы сказано: встань, возьми жену и сына и делай то-то. Старшие и младшие стояли бы в привычном порядке. Но здесь порядок слов перевернут согласно иерархии: первый – Ребенок, вторая по значению – Мать и только третий – Иосиф. Иосиф безоговорочно подчиняется.

Он не задается вопросом: что, мол, это за Спаситель, Которого самого нужно спасать? Он молча делает свою работу. В Писании нет ни одной фразы, которая бы приписывалась Иосифу. Такое впечатление, что он вообще все делал молча.

Размышлял и делал, изумлялся и делал, получал во сне приказы и исполнял. Но это, конечно, не так. Иосиф разговаривал. В том числе и с маленьким Иисусом.

Этот еврейский папа должен был научить Ребенка читать Тору, молиться Богу и зарабатывать хлеб. Три необходимые вещи, при отсутствии любой из которых воспитание не будет полноценным. И вот Премудрость Божия, одетая в плоть человеческую, под руководством Иосифа осваивала законы и заповеди. В мозолистую руку Иосифа вкладывал Свою ручку Иисус, направляясь в храм, а по субботам – в синагогу. Да и сами Иисусовы руки со временем узнали, что такое мозоли. Иосиф научил Его управляться с пилой и рубанком, сверлом и топором. Есть хлеб даром грешно, и Творец мира, смирившись до человеческого образа, не был тунеядцем.

Три задачи настоящего отца: научить молиться, познакомиться с Писанием и дать профессию. Это должен сделать именно отец. С него спрос. Иосиф с задачей справился. И прежде, нежели гвозди были вбиты в руки Христа, на этих руках были мозоли. Вы ведь видели руки плотника, или слесаря, или каменщика. С Христом все было именно так. Он знал по опыту, что такое утомление от труда, боль в мышцах по утрам, пот, заливающий глаза. Стоит добавить к образу Христа-проповедника образ Христа-труженика. И – Иосифа, стоящего рядом.

Заповедь «чти отца и мать» Христос исполнил в числе прочих заповедей. Он был послушен. И если Христос во

всем был послушен Иосифу во дни детства, то может Он слушать «земного папу» и сегодня. Как велико было смирение этого человека, так велико должно быть и его дерзновение в предстоянии прославленному Сыну Божию. Иосифа стоит призывать в молитвах.

Храмы и алтари, посвященные ему, должны быть одновременно напоминанием о том, как важен простой человек, человек труда. Плохо, если мажоры с ухмылкой смотрят на работяг, а работяги – с ненавистью на мажоров и при этом ни те ни другие не молятся. Именно отсюда рождаются бунты и революции. Но если Христос за работой, то есть если Царь в мастерской, то богач – смирись, а бедняк – утешься.

Но самое главное то, что Иосиф – лучший пример подлинного отцовства. Он не рождал Иисуса по плоти, но сделал все что нужно, как лучший в мире папа. Как пример и как упрек он смотрит на нас из глубины истории. Как упрек для тех, кто зачинал, но не воспитывал; зачинал и бросал; зачинал и подталкивал женщину к аборту. А как пример для тех, кто, неважно, зачинал ли или только усыновлял, но воспитывал, учил, берег, заботился.

Водить ребенка в храм должен папа. Объяснять заповеди и правила жизни должен папа. В нашем одичавшем мире об этом даже и говорить теперь трудно. Повсеместно дезертировавшие с духовной войны мужчины все отдали в женские слабые руки. И вот женщины поют, преподают, лечат, учат, наставляют... Но КПД их священных трудов всегда бу-

дет меньше того, который должен быть. Потому что способность углубляться в тайны веры и затем делиться приобретенным опытом в первую очередь уделена от Бога мужчине. Да и для того, чтобы на ослике уходить от Иродова меча, Матери с Ребенком нужен мужчина рядом. Одна женщина в этом мире слишком беззащитна.

Со священным ужасом представьте эту картину. Взрослый, даже старый уже человек перед развернутым свитком говорит ребенку: «Смотри, сынок, это слово означает вот это. Понял?» Ребенок утвердительно кивает головой. Он то всматривается в буквы, то поднимает доверчивый взгляд на отца. «Повторяй за мной по слогам: бла-же-ни вси бо-я-щие-ся Гос-по-да». Ребенок старательно лепечет святые слова. Рядом с отцом хорошо. Надежно и спокойно. Идет домашний урок. Ученик – Сын Божий в годы Своего раннего детства. «Ну что, устал? Довольно на сегодня. Пойдем попробуем приладить ручку к ведру. Мать вчера просила».

Как-то так было у маленького Христа. Как-то так должно быть и в каждом семействе.

Куда-то исчезли дедушки

Мы многое растеряли. В каталоге потерь – самые нежи-

данные вещи. Куда-то исчезли дедушки.

Дедушка – это не просто муж бабушки. Это добрый человек с умными глазами, седой бородой и натруженными руками. В ту нежную пору жизни, когда вы узнаете мир, дедушка должен сажать вас на колени и рассказывать о далеких звездах и великих героях. Такие дедушки куда-то пропали. Причем бабушки остались. Они даже почувствовали себя хозяйками положения. Некому на них прикрикнуть. Некому поставить их на место. Бабушки застегивают вам пуговицы и кормят вас манной кашей. А разве может вырасти из человека что-нибудь дельное, если в детстве он не слышит о звездах и великих людях?

От дедушки пахнет табаком и солнцем. Бабушку он называет «мать», а маму – «дочка». Но настоящая дружба у него с внуком. Они посвящены в одну тайну. Мир для них одинаково свеж и загадочен.

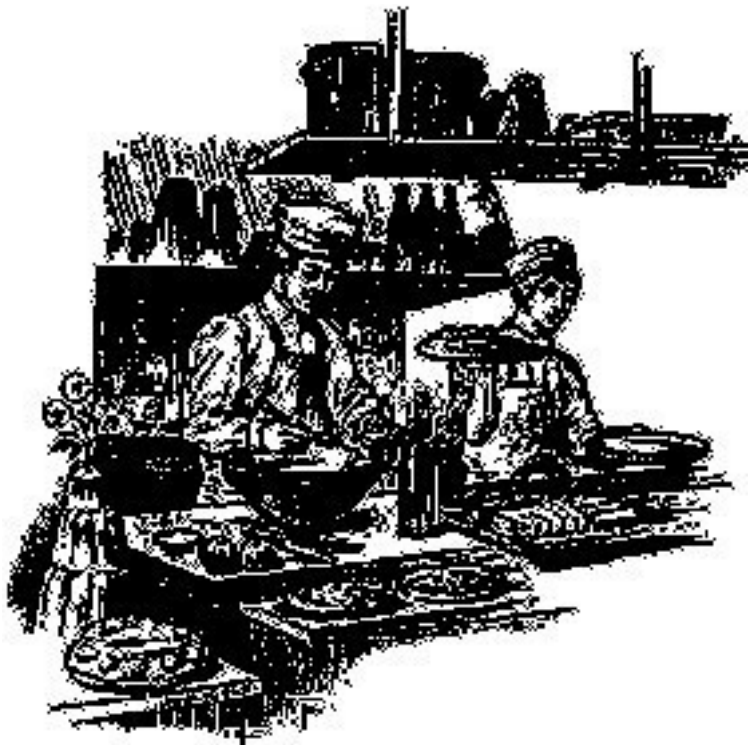
Поэтому за обедом они хитро подмигивают друг другу и смеются глазами. Сейчас они встанут и пойдут вместе. Может, рыбачить, а может, ремонтировать велосипед. Внуку интересно жить, а деду умирать не страшно.

У нас давно не было ни войн, ни эпидемий. Дедушек никто не убивал, но они куда-то исчезли. Бросили своих бабушек и ушли к другим. Глупо растратили жизнь и не дожили до внуков. Не обзавелись семьей и остались бездетными.

Короче, все расшаталось и сдвинулось с основания. Поэтому в мире так много капризных и нервных детей. И мно-

го никому не нужных стареющих мужчин, пьющих с тоски
и никого не называющих словом «внучок».

Кто ночью не спит?

Ночь назначена человеку для отдыха. «Выйдет человек на дело свое до вечера». А вечером, пардон, нужно спать ложиться. Скотина в стойле засыпает. Петух до рассвета сме-

жают очи. «Спят усталые игрушки, книжки спят...» Вроде бы все проще пареной репы. Но не так все просто.

Был бы я поэт или певец, написал бы целую поэму или пропел бы длинную песню о тех, что ночью не спят. И кто же они?

Вот не спит молодая мама, кормящая грудью или баюкающая не желающего спать младенца. Не спит и молодой отец, которому рано вставать на работу, но он, однако, говорит: «Ложись, милая. Я покачаю».

Не спит готовящийся к сессии или зачету студент. Он пьет кофе, ерошит волосы и пытается за ночь впихнуть в память все то, что нужно было впихивать постепенно, несколько месяцев.

Не спит на дежурстве полицейский. И сколько его ни ругай, а не дай Бог, что случится, нужно, чтобы был он на месте, у пульта, и принял звонок, и выехал наряд на место. Так же и врачи. Ругайте их, но знайте – они по очереди не спят. Чтобы, когда вас кондратий прихватит, было кому примчаться к вам и попытаться не позволить вам уйти на тот свет. Ведь мы еще не готовы к тому свету, и еще нужно и пожить, и покаяться, и долги отдать...

Еще не спит сталевар. У него производство таково, что прервись только на день – и все пропадет, печь замерзнет. Нужно, сменяясь, работать у печи днем и ночью. Печь требует, и человек не спит.

Не спят машинисты поездов, товарных и пассажирских.

У всех отдых, а у них работа. Ты спишь в купе, а он работает. Тебе: «Спите и отдыхайте. Утром разбуду и чаек принесу». А ему: гляди в ночь, наблюдай за приборами и, будь добр, довези до места и груз, и людей.

Не спит таксист, подбирающий у баров запоздалых клиентов с заплетающимися ногами и языками. У него урожай. Его не похвалим, но отметим, что и он не спит. Вор еще не спит. Как же ему спать, если у стольких людей в этот час заплетаются ноги и языки?

Сколько ж людей не спит ночью! И ведь мы не всех назвали! Далеко не всех. Вот и монах не спит. Настоящий монах, у которого одежда черная, зато душа белая. Он не спит над книгой, или с четками, или в слезах у иконы. На боевом дежурстве не спит ни летчик, ни моряк, ни пограничник. Чтобы небо было мирным, и люди баюкали младенцев, и выполняли из баров, и готовились к сессиям.

А ученые разве спят? Вы видели ученых, которые спят, как мы? Вы вообще ученых видели? Да они такие же, как монахи, только не в мантиях, а в пиджаках и много курят. Если только они ученые, а не кто-то другой. И учитель не спит, проверяя тетрадки и готовясь к завтрашнему уроку. А еще не спят старики, от которых сон отлетел. Им молиться пора и жизнь свою вспомнить. Вспомнить и вздрогнуть. А они думают, что это просто возрастная бессонница, и пьют снотворное.

Все эти благородные категории граждан вызывают неж-

ность, или жалость, или уважение. Но есть еще одна категория, не вызывающая ни нежности, ни уважения, но только одно раздражение. Это публика, поменявшая день с ночью по причине «зависания» в клубах и кабаках до рассвета. Там, где на низких частотах раздается непрерывное «бум – бум – бум». Там, где употребляют и нюхают, а значит, и приторговывают тем, что можно нюхать и глотать. Там, где совокупиться вовсе не значит познакомиться. И это не одна тысяча людей, которая растворилась бы, как капля сока в океане. Это тысячи, и тысячи, и тысячи.

Кто они, эти люди? Это не сталевары и не фермеры. Не офицеры и не пилоты гражданских судов. Это не ученые и не только что родившие мамы. Это даже не блатные и не приблатненные, у которых есть свои места для отдыха с меньшими претензиями, простым меню и более узким ассортиментом удовольствий. Это так называемые мажоры и те, кто хочет быть на них похожим. «Золотая молодежь». Вынь, папаша, да положь. Тех, кто не слушает их музыку и не понимает их сленг, они считают за быдло. Ручки у них белые, как у Копченого, потому что отродясь они иглу или лопату, молоток или веник в эти ручки не брали. Деньги, которые они выбрасывают за вход, да за коктейль, да еще за что-то, в разы превосходят суммы, которые зарабатывают не спящие ночью сиделки, дежурные врачи и милиционеры. А ведь случись что, откачивать мажорного паразита от передоза, или защищать, или транспортировать после ДТП будут именно про-

стые, обычные работяги и служаки. Как вам эта картинка?

Виноваты, конечно, не глупые девки с ботоксом в губах и не их соответствующие кавалеры. Виноваты родители, дающие на карман своим недорослям суммы, в разы превышающие зарплату школьного учителя. Конечно, сколько веревочке не виться... и очередного папашу возьмут на взятке, а очередного сынка повяжут за опасное вождение. Все это мы увидим по телевизору. Но... Систему в целом это не меняет. А система такова: взрослые воры или богачи-трудяги без совести, но с избытком наличных уже развратили своих детей, а попутно еще несметную кучу малолеток. Целое поколение! Потому что родился некий образ жизни, икона стиля, состоящая из шопинга, тусовок, быстрой любви, и приправлено все это цинизмом, уверенностью в своей избранности. Кому по юности такая жизнь не покажется удавшейся? Ведь проблемы-то будут потом, а веселимся мы сейчас.

Как-нибудь утром, ранним утром, на работу едучи, обратите внимание на выходы из ночных заведений (если, конечно, ваш маршрут мимо этих мест пролегать будет). Когда вы, не выспавшийся, едете на службу, эти, еще более не выспавшиеся, выползают из кабацких утроб, как из блиндажа сдающиеся немцы. У них красные глаза, тяжелая голова и пустые карманы. У них увеличившееся количество грехов на совести и пустота внутри. Они знают это. Но иначе жить пока не хотят. Да и не могут. Что же до карманов, то папик наполнит и мамочка подкинет. И только если хоронить придется

зарезанного ночью, или разбившегося на машине, или переусердствовавшего с приемом, родители завопят: за что?! То же самое завопят, если чадо посадят за смертельное ДТП. За что, Господи?!

Вам будет их жалко? Вам будет им что сказать? Ну так скажите им сейчас хоть что-то. Потому что тот образ жизни, какой ведет «золотая молодежь» в городах-миллионниках, вызывает к небу об отмщении. Не могут праздность, разврат и высокомерие остаться безнаказанными. Не могут. И не будут.

Присмотритесь к выходящим по утрам из ночных клубов.

Благословенная сложность бытия

Любой пруд – это живая экосистема. Там по вечерам заводят свои концерты лягушки, там плавают какие-никакие, а рыбки, за которыми охотятся настоящие птицы, падающие камнем на воду и уносящие в клюве очередную мелюзгу. Там жизнь кишит кишмя, и видно это не только маститому биологу, но и простому обывателю.

Обыватель неприхотлив. Обывателю мало надо. Ему лишь

бы сесть у берега с удочкой или с друзьями у костра. Ему лишь бы ощутить подсознанием, что он находится в отдаленном подобии рая. И нам от него ничего не надо. Лишь бы бутылки не разбивал о камень, но унес с собой и костер потушил. Лишь бы не утонул по пьяни в экосистеме под названием «озеро».

Биологи и экологи говорят нам о том, что экосистема тем прочнее, чем сложнее. То есть чем больше в ней живых участников, чем из большего количества видов она состоит, тем больше шансов у нее на выживание и тем большей степенью здоровья и устойчивости она обладает.

Сказанное с любовью и одновременной тревогой перевожу на семью.

Если применить тезис, высказанный по поводу заросшего тиной пруда, к семейным отношениям, то он прозвучит так: чем больше людей разных поколений составляют семью, тем больше шансов, что психическое здоровье нового члена этой семьи будет в норме.

Теперь поясняю примером и по необходимости рисую идеальную картину. А может, картину из недалекого прошлого.

Человек пришел в мир. Мать отстрадала и в свой черед возрадовалась, как и говорит Евангелие. Человек откормился грудью, отплакался, лежа на спине, затем встал на четвереньки, пополз, затем пошел, то и дело падая и плача. Наконец он уже и ходит, и говорит, что сравнимо по масштабу

с зарождением новой вселенной. Теперь его не просто окружает мир, но он мир этот видит, воспринимает и осознает.

Очень хорошо – ни с чем не сравнимо хорошо, – если мир, видимый и воспринимаемый новым человеком, благо-словенно сложен.

В нем должен быть дедушка и его спутница – бабушка. Это – настоящие динозавры. Добрые и доисторические. Это люди из святого и недостижимого прошлого. Бабушка пахнет ряженкой и хлебным мякишем. Дедушка – табаком. Еще дедушка колюч от щетины. Оба они любят брать внука на руки и рассказывать о том, что видели они и что внук может увидеть только внутренним зрением. Это живые представители всей человеческой древности. Видя их, ребенок подкожно воспринимает идею того, что мир очень древен, очень сложен и что бабушка с дедушкой – крайние звенья цепи, к которой ребенку посчастливилось прикоснуться.

Далее следуют мама и папа. Не одна мама, а непременно – мама и папа. Мама – это самый красивый и добрый человек в мире. Но добрым он может быть только если где-то на фоне мелькает папа. В его отсутствие – полное, то есть, отсутствие – мама остается самым красивым человеком в мире, но становится также и самым злым, самым раздраженным человеком в мире.

Папа же является по определению самым сильным человеком в мире, которого заслуженно любит самый красивый человек.

Пока самый красивый и самый сильный человек живут вместе и ребенок осознает себя их ребенком, он живет в подлинном раю. Сей психологический рай характеризуется защищенностью и безответственностью. За все отвечают они, сильные и красивые. А ты живешь за их спиной как у Христа за пазухой, и смысл этого выражения станет тебе понятен много позже.

Еще должны быть братья и сестры. Ребенок может ненавидеть их по временам, может опасаться, что за старшими ему придется донашивать все, вплоть до старой жены (вспомни мультик про Карлсона). Но эти братья и сестры рожают в душе (прежде всякой богословской рефлексии) чувство коллективной ответственности, чувство локтя и еще Бог знает сколько всяких чувств.

А еще должны быть разные тети и дяди, двоюродные братья и сестры, которые собираются время от времени вместе на праздники или похороны, шумят, мешают жить, раздражают, но...

При этом всем они дают ощущать, что жизнь сложна, что жизнь – ковер, а ты – нитка, вшитая в ткань ковра. Нитки сверху над тобой, нитки – под тобой, они справа и слева. Распусти их, начни резать их или поджигать – стройное единство распадется, ты останешься всего лишь ниткой, а не частью ковра. И дай Бог, чтобы некая птица унесла тебя для использования при сооружении гнезда на одном из берегов экосистемы, чтобы не ждало тебя нечто худшее и более бес-

полезное.

Жизнь должна отличаться благословенной сложностью. Вместо этого она стремится к радикальному упрощению, которое на языке социологии и психологии зовется индивидуализмом.

Всяк сам по себе. Ни дедов с бабками, ни запаха хлебного мякиша и дешевого табака. Ни кузин с кузенами, ни теток с дядьками. Подраться не с кем. Не на кого крикнуть «Это он!», потому что и невымытая посуда, и разбросанные вещи – твоих рук дело. Больше никого, кроме тебя, нет. Ты в семье один.

Один. Для ребенка это страшное слово. Папа исчез, дед умер, тот дядя, который не папа, тоже исчез. И ты – один.

Кроме тебя только психованная мама, измученная одиночеством. А ты – ее затюканное дитя, смотрящее на мир такими глазами, словно уже слышан гул приближающегося бомбардировщика.

Се – наша жизнь, граждане. А у нас при этом хватает глупости смеяться перед телевизором.

Самое корявое дерево в лесу, скорее всего, выживет и упадет только под старость. Но самое сильное дерево на вершине заголившейся, как лысина, поляны упадет раньше. Его спалит молния или повалит буря. Оно – одно. Оно – не жилец.

Психологическим здоровьем и способностью выжить везде веет от человека, которого в детстве и юности окружали десятки родственников, сующих в карман пряник, дающих подзатыльник, шепчущих на ухо важные жизненные советы. Перепуганным и напряженным по необходимости придется чувствовать себя человеку, который был всю жизнь один. Его ласкали с надрывом, как перед смертью, его боялись отпустить на лишний шаг от себя. Ему вложили в голову картину враждебности мира и собственной уникальности. Это ложная парадигма.

Мы тоскуем по норме и обличаем современную жизнь в ее уродливости. Но мир подрублен под корень, и там, где нам кажется, что болезни понятны, мы клеймим, скорее всего, лишь побочные следствия того уродства, в котором живем, словно рыба в воде. Мир болен больше, сильнее, чем нам кажется, и носителем всех болезней мира, свернутых до размеров ДНК, является каждый из нас.

Простое стало редкостью, и обычное превратилось в чу-

до. Очевидно, из-за треснувшего фундамента нам никогда не поднять стены духовного дома так высоко, как поднимали их наши предшественники. Очевидно, лишившись элементарной базы нормальной жизни, мы стали бесполезны ко всему, кроме покаяния. Покаяние сохранит свою силу и актуальность до той самой секунды, когда зазвучит архангелова труба. А остальное нет, не сохранит.

Безногие не бегают стометровку наравне со здоровыми, и нам, безногим, не дано почти все то, что с большей легкостью давалось поколениям предыдущим.

Разрушение семьи – вот имя главенствующей язвы, которая лишила нас и силы, и мудрости, и возможности роста. Но не спешите исцелять язву собственными силами. То, что разрушалось столетиями, нельзя восстановить за годы. Да и не дело это одних лишь рук человеческих. Посему, опознав свое врожденное уродство, сядем тихо и начнем дышать носом.

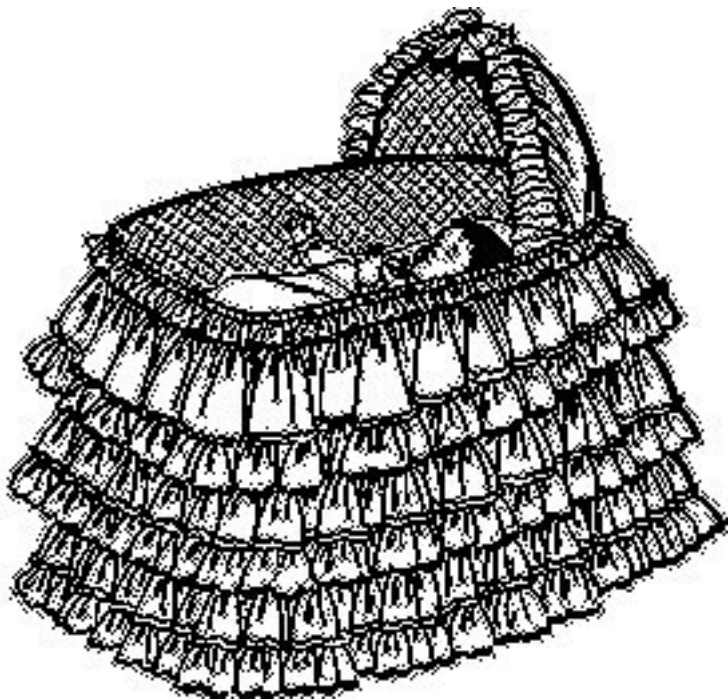
Ведь если калека стремится изобразить из себя здорового, то с него и спрос иной. А если он знает о своих недугах и сам от себя не бежит в лес фантазий, то для спасения ему нужна лишь безропотность, и вера, и неосуждение.

Вот почему отцы настаивали на том, что в последние времена людям будет оставлено одно лишь покаяние без всякого иного подвига.

Обо всем этом хорошо думать вдалеке от шума и пыли, суеты и маеты, сидя где-нибудь на природе.

Где? Правильно – на берегу какой-нибудь экосистемы под названием «озеро». Там квакают жабы и крякают селезни, там ивы склоняют до самой воды свои грустные ветви, там кругами на воде дает заметить себя играющая рыбка, там, в едва волнующейся глади, по вечерам отражается светило малое, созданное для управления ночью.

О Молохе и детских криках

Правильно выбранное слово помогает решить проблему. Стоит запутаться в словах, и ты рискуешь остаться не только в словесных дебрях, но и в дебрях нерешенных и умножающихся проблем. Одно дело сказать «аборт» или

«искусственное прерывание незапланированной беременности» – и совсем другое дело сказать «убийство младенца во чреве матери». Куда-то исчезает холодная логичность и медицинская научность. Откуда-то появляется болевой и греховный сгусток, из которого в разные стороны пучком торчат побочные смыслы. Я, собственно, об этих смыслах.

Детские жертвоприношения известны историкам, религиоведам и читателям Библии. Считывая глазами информацию о ритуально сжигаемых и расчленяемых детях, обо всех этих религиозных практиках Древнего Востока, краешком души мы отказываемся верить, что это правда. Между тем это правда, и важная часть этой правды в том, что диавол становится от подобных практик сильнее. Мир падших духов кормится грехом. Умножение грехов – их пиршество. Самые гнусные преступления – их деликатесы. Пожалуйста, не спрашивайте: «Откуда в мире столько зла?», «Почему зло так усиливается?» и прочее. Этот наивный лепет имеет ясный ответ в статистике детских убийств в материнских утробах. Как пиявка от грязной крови, диавол жирнеет от крови современных абортных жертвоприношений. Жирнеет и становится сильнее.

Все, кто прямо или косвенно виновен в убийствах такого рода, являются кормильцами и поильцами зла в чистом виде. Только торговля людьми и наркотиками способна стать рядом с абортами по степени разрушительного действия на мир. Но кто же, собственно, виновен? Прежде врача с убий-

ственным инструментом и беременной женщины, лежащей перед ним, вспомним биологического родителя. Вспомним того, кто пролил семя в ту самую утробу, которая теперь готовится стать гробом.

Николай Сербский спрашивает в одной из работ: что больше – семя или кровь? И отвечает: семя. Потому что в крови семени нет, зато в семени есть будущая кровь и будущая плоть. Следовательно, там, где семя проливается незаконно, вместе с ним тайно проливается и кровь. Вначале тайно, а потом и явно. Гляньте на историю Давида. Там есть доказательство сказанному. Вначале было прелюбодеянное пролитие семени, затем – организация убийства чужого мужа. Проследите и за всемирной историей. В ней можно заметить, как разгул блуда предваряет массовые кровопролития. Тот же закон виден и на абортах. Вначале за пределами брака (до него, без него) льется семя, затем – льется кровь ребенка, никак не повинного в том, что ему достались такие родители.

Итак, мужчина. Он в тени. Его не видно. Он, как мавр, сделал свое дело и теперь хочет загладить последствия денежной суммой, необходимой для убийства своего сына или дочери. Мы не знаем его имени, не знаем обстоятельств той близости, от которой началась новая жизнь. Квартира друзей? Заднее кресло машины? Летний отдых? Случайное знакомство в клубе? Мы ничего не знаем. Мы не знаем даже, кто кого соблазнил, ибо бывает всякое и женщина далеко не

всегда жертва. Но мы знаем, что мужчина есть. На нем маска анонимуса, и число таких анонимусов сопоставимо с количеством аборт в мире. То есть их миллионы. Вина мужчины такая же, если не больше, как и вина женщины. И дело не только в том, что мужчина в ответе за тех, кого он зачал, и за тех, кто от него зачал. Прежде всего он (наравне с женщиной) в ответе за чистоту своей половой жизни. Он ответственный за свое семяизлияние.

Здесь мы вплотную подходим к половой распущенности и свободным связям. В сумерках сознания можно от всего отшутиться. Но при ослепительном свете ума и совести мы вынуждены признать, что зачатия вне брака, до брака, в первый день знакомства и т. д. и т. п. происходят из-за того, что мир вспотел от похоти. Запахом этого похотливого пота пропитались все сферы жизни. И никуда не скрыться. И люди томятся на медленном огне полового перевозбуждения. Томятся с детства и не перестают томиться до старости. Актеры-комики, модельеры, психологи, глянцевого журналы и бытовые нравы, модные писатели приучили их к этому. И разве крохи, доли и части вины за ежедневно убиваемых детей не лежат после этого на всем обществе, на каждом человеке? Я думаю – лежат, и виноват в аборте, к примеру, не только профессор, от которого забеременела студентка. Виновата подруга, шепнувшая, что дети еще потом будут, а сейчас, дескать, доучиться нужно. Виновата мать, которая крикнула в трубку: «Без брака – не позволяю! Не позорь се-

мью!» Виновен блогер, слишком легко рассуждающий о том, после чего человеку становится слишком тяжело. Да и мало ли еще кто из нас виновен, если глядеть на дело при ясном свете ума и совести.

На раскаленные руки медной статуи Молоха жрецы бросают обреченных детей. Рядом должны непременно стоять музыканты. Битьем в барабаны и звуками сотен труб они должны заглушать детские крики и материнский плач. Такова идолослужительная практика, если верить археологам и религиоведам. Наш Молох оделся в белый халат, не помня природы, и жертвы ему приносятся. Теперь посмотрим: есть ли у нас и подобные музыканты? О, конечно есть. Это «правозащитники», в упор не замечающие убийства детей в Донбассе, зато активно ищущие аргументы для оправдания аборт. Матери, мол, вправе делать все что хотят со своим телом, а также с тем, что зачато в нем. К «правозащитникам» примыкают феминистки, к феминисткам – гей-пропагандисты. Эти, не могущие зачать в принципе, почему-то всегда за аборт и никогда против. Далее более-менее стройными рядами выступают журналисты, согласные послужить Молоху хотя бы потому, что Молох – друг маммоны. Далее находятся политики, уверенные, что все хорошее локализовано только на Западе, и посему в позе «служить» нюхающие ветер из-за океана. Все они громко разговаривают. Вот вам и звукошумовая завеса для детских воплей. И ведь работает завеса, поскольку мы криков не слышим, а они раздаются

ежеминутно.

Девушка совершила ошибку и теперь боится позора. Доктор в прорезь между марлевой повязкой и белой шапочкой смотрит на человеческое окровавленное мясо. Он зарабатывает деньги. Это его работа. Небогатая семья со страхом узнаёт об очередной беременности. Планы меняются. Нужны деньги и более просторное жильё, а они уже немолоды. У них уже есть трое малышей. Рожать или?.. В комнате с белым потолком инструменты звенят, падая в специальную посуду. Доктор работает. Ничего личного. По радио журналист бодро рассказывает о правах человека и неизбежном счастье. Все это происходит ежедневно. Все это так пронзительно и верно показано в фильме «Если бы стены могли говорить» 1996 года выпуска (рекомендовано к просмотру). Все это ранит всякий раз конкретных людей, но по масштабу происходящего давно вышло на уровень национальной катастрофы. Именно желанием остановить общенациональную беду, а вовсе не желанием влезть в чужую жизнь со своей моралью и движимы те, кто противостоит убийству детей словом и делом.

Кто любит себя и только себя, тому закон не писан. Он сделает все что захочет, ибо уверен, что право имеет. Кто любит деньги больше всего, тот любое зло разукрасит акварелью словесных оправданий. Но мы должны любить Бога и ближнего, Церковь и Родину. Долг любви заставляет нас говорить о том, что аборт для нашей страны опас-

нее, чем ИГИЛ¹, хотя об ИГИЛе говорит каждый телеканал, а об абортах почти никто. Аборты буквально обескровливают и уничтожают народ. Они влекут за собой отмщение. Отмщение может быть разным. Блаженной памяти патриарх Сербский Павел говорил, что если сербская женщина в Косове делает семь аборт, а албанская рождает семь детей, то Бог может решить, что земля Косова нужнее албанцам. Как вы знаете, Косово почти уже отошло от сербов к албанцам.

Есть фильм о том, как реагирует в утробе ребенок на приближение смертельных инструментов. В панике он жмется к стенкам матки и кричит. Фильм называется «Безмолвный крик». Убитые дети, вначале кричавшие от страха, затем могут кричать о возмездии. Ох и страшен же этот многомиллионный крик! Всенародным ухом нужно давно уже расслышать его, потому что всенародно мы виновны в том, что он раздаётся. И хорошо бы перестать подбрасывать дрова в медное тело идола. Хорошо бы дать ему остыть. Затем остановить звуки труб и барабанов. А потом хорошо бы и идола сокрушить, чтобы жизнь продолжилась, а не пресеклась.

¹ Запрещенная в России террористическая организация. – *Ред.*

**Радуйтесь, развратники
кающиеся...**

Преподобная Мария Египетская

Характеристики «мира сего» в устах Иисуса Христа емки и кратки. ...*Кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий* (Мк. 8, 38).

Два слова: «прелюбодейный» и «грешный». Хотя прелюбодейание тоже грех, нельзя, очевидно, сказать просто «грешный». Нужно все же выделить прелюбодейание в отдельную категорию, потому что это – грех господствующий. И не говорит Господь: «в роде сем, вороватом, лицемерном, корыстном, ханжеском, жестоком» и прочее, и прочее. Всего этого перечислять не надо, а вот прелюбодейание – надо: *в роде сем прелюбодейном и грешном*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.